

УДК 343.01

DOI: 10.34670/AR.2023.25.58.011

Некоторые проблемы соучастия в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и пути их решения

Борисевич Михаил Михайлович

Кандидат юридических наук, профессор,
Московский международный университет,
125040, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 17;
e-mail: rat4810@mail.ru

Пяткевич Иван Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Московский международный университет,
125040, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 17;
e-mail: rat4810@mail.ru

Аннотация

Комплексная проблематика соучастия заслуженно находится в фокусе внимания многих авторов, составляя важный элемент уголовно-правовых научных изысканий. В статье рассматриваются актуальные проблемные вопросы соучастия в преступлении, в том числе на примере формулировок ряда статей Особенной части УК РФ. Особенностью методологического подхода является исследование темы через прогностический метод и с использованием в определенной степени метода моделирования, что выражается в рассмотрении вариантов и способов соучастия в актуальных в настоящее время преступлениях с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий с учетом перспектив их дальнейшего развития. В работе изложен ряд предложений, направленных на решение проблемных вопросов, в том числе в части формулирования перечня способов пособничества, а также на совершенствование некоторых новых норм Уголовного кодекса, имеющих в настоящее время особую актуальность. Реализация предлагаемых в статье шагов по совершенствованию норм уголовного законодательства позволит учесть существующие и усложняющиеся формы и схемы фактического соучастия в совершении преступлений с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий и возможностей сетевого пространства.

Для цитирования в научных исследованиях

Борисевич М.М., Пяткевич И.Н. Некоторые проблемы соучастия в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и пути их решения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Том 13. № 1А. С. 105-118. DOI: 10.34670/AR.2023.25.58.011

Ключевые слова

Соучастие, соучастник, пособничество, квалификация пособничества, прикосновенность к преступлению, проблемы соучастия, нормы Особенной части, квалифицирующие признаки, нововведения Уголовного кодекса, преступления в медиапространстве.

Введение

Изученность проблемы, составляющей предмет настоящего исследования, характеризуется довольно глубокой проработкой вопросов соучастия в рамках уголовно-правовых исследований. Комплексная проблематика соучастия заслуженно находится в фокусе внимания многих авторов, составляя важный элемент уголовно-правовых научных изысканий. В литературе справедливо подчеркивается, что «проблема соучастия – одна из сложнейших в теории уголовного права. Многие вопросы соучастия до сих пор остаются спорными, что на практике создает определенные трудности в вопросах квалификации преступлений, совершенных в соучастии, и индивидуализации наказания» [Арутюнов, 2013, 3].

Неоднозначность многих уголовно-правовых нюансов квалификации соучастия ставит важные задачи как в теоретической плоскости – для исследователей-правоведов, так и в практической – для законодателя и правоприменителей.

С позиций правовой науки совершенно справедливо отмечается, что «институт соучастия в преступлении является традиционным для российского уголовного права. Его многовековая нормативная история сопровождается весьма бурными научными дискуссиями, которые нельзя считать в полной мере завершенными в наши дни» [Пудовочкин, 2018, 102]. В свою очередь, в практических – нормативном и правоприменительном – измерениях точность юридических подходов еще более важна, поскольку «точная квалификация соучастия является сложной задачей для правоприменителя. При уголовно-правовой оценке соучастия нередко допускаются ошибки, обусловленные неверным установлением формы соучастия и использованием ненадлежащих правил квалификации» [Клименко, 2017, 112].

Изложенное показывает *актуальность исследования* выбранной темы.

Целесообразность разработки темы обусловлена важностью выработки научно обоснованных и практически применимых подходов к решению некоторых актуальных проблем соучастия, которые выявляет анализ норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Научная новизна исследования заключается в применении автором при научном анализе проблематики соучастия прогностического подхода и метод моделирования правовых ситуаций, что позволило предложить развитие некоторых уголовно-правовых норм сообразно стремительному усложнению общественных отношений, в том числе в условиях современного развивающегося информационного общества, информационно-телекоммуникационных технологий и сред (пространств), предоставляющих новые возможности для совершения преступных деяний и соучастия в них.

Цель исследования состоит в научном анализе ряда проблем соучастия в преступлениях, предусмотренных некоторыми нормами Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, в том числе введенными в последнее время, в соотношении с проблематикой соучастия с использованием современных информационно-коммуникационных технологий и

средств массовой информации, а также в выработке соответствующих предложений относительно путей их решения.

Для достижения этой цели решены следующие *задачи исследования*:

- рассмотрено теоретическое понимание в уголовно-правовой науке соучастия в преступлении, в частности, пособничества;
- на основе анализа норм действующего законодательства и научно-теоретических источников обозначены некоторые актуальные проблемы норм о соучастии и квалификации соучастия, в том числе пособничества, которые требуют проработки путей их решения;
- предложены научно обоснованные рекомендации автора по решению ряда проблем в исследуемой сфере, в том числе по направлениям совершенствования некоторых норм Уголовного кодекса Российской Федерации.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоят в том, что предложенные автором выводы и рекомендации могут быть использованы как в дальнейших уголовно-правовых исследованиях тематики соучастия в преступлениях, так и для совершенствования нормативного правового регулирования и правоприменительной практики.

Методология

Последовательность выполнения исследования такова:

- во-первых, на основе анализа действующего законодательства, доктринальных, теоретических источников, некоторых данных правоприменительной практики выявлен ряд проблем норм уголовного закона о соучастии, которые требуют выработки подходов к их решению;
- во-вторых, путем синтеза существующих уголовно-правовых подходов и авторских воззрений определены научно обоснованные направления решения выявленных проблем;
- в-третьих, с использованием методов моделирования и прогнозирования обоснованы и предложены направления решения выявленных проблем.

С учетом особенностей предмета исследования *обоснованными* являются следующие используемые автором традиционные для отечественных уголовно-правовых исследований *методы научного познания*: системно-структурный, диалектический, формально-юридический, компаративистский (сравнительно-правовой), анализ и синтез, прогнозирование, моделирование.

Основная часть

В настоящее время, характерной чертой которого являются постоянные «информационные войны», особое значение приобретает противодействие преступным деяниям, связанным с производством и распространением той или иной недостоверной информации, способной причинить ущерб защищаемым законом ценностям, привести к общественно опасным последствиям. Информация, к которой современными средствами обеспечивается очень широкий и свободный доступ большого количества пользователей, является важным «орудием» достижения тех или иных целей, зачастую – преступных. Эта проблематика заслуживает пристального внимания как исследователей, так и законодателя, а также правоохранительных

органов. Ряд проблем, которые мы затронем в настоящей статье, будут рассматриваться с этого ракурса.

Однако прежде всего, подчеркнем следующий значимый с точки зрения теории уголовного права аспект в его преломлении к затронутой тематике. Для юридически корректной квалификации соучастия принципиально важно всегда исходить из установления наличия его существенных признаков как таковых. Д.А. Мелешко, например, резонно замечает: «необходимо помнить, что квалификация соучастия всякий раз должна начинаться не с определения его вида или формы, а с установления в деянии всех общих признаков этого явления» [Мелешко, 2017, 78]. Центральным среди таковых можно считать совместность.

Традиционно такой существенный признак соучастия как совместность, как отмечается в уголовно-правовой литературе, «характеризуется четырьмя основными элементами: 1) преступление совершается общими совместными усилиями нескольких лиц; 2) преступный результат будет для всех этих лиц общим, единым; 3) действия каждого соучастника являются в конкретной обстановке их единого преступления необходимым условием совершения действий другими соучастниками; 4) преступный результат или факт совершения преступления находится в причинной связи с действиями каждого из соучастников» [Ображиев, 2019, 154-155]. С этим следует согласиться, однако стоит подчеркнуть, что в настоящее время, когда совместные усилия зачастую предпринимаются лицами через посредство средств и сред телекоммуникаций (в сети Интернет, в том числе социальных сетях, мессенджерах и т.д.), а в реальной жизни (или как сейчас принято говорить – «офлайн») эти лица могут быть даже не знакомы, ни разу не встречаться лично, вопросам юридически точного определения совместности должно уделяться особое внимание. Многие преступления, совершаемые в соучастии, приобрели трансграничный характер, стираются территориальные, географические барьеры именно благодаря возможностям телекоммуникационных технологий, доступных практически каждому заинтересованному лицу. Современные «информационные войны», «фабрики фейков» показывают это со всей очевидностью. И за производством контента, создание и распространение которого имеет признаки составов преступлений, зачастую стоят именно совместные усилия разных лиц, разделенных пространственно многими километрами, но объединенных совместными преступными целями. Поэтому совместность при квалификации соучастия в преступлении согласно тем или иным конкретным нормам Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации должна устанавливаться с учетом особенностей той среды (в том числе Интернет-среды, сетевого пространства), в которой формируются и развиваются конкретные намерения, умыслы и цели, совершаются конкретные действия (бездействие).

Новые реалии ставят на повестку дня актуальные вопросы, требующие внимания исследователей в сфере уголовного права (так же, как и в сфере уголовного процесса, криминалистики, криминологии) и федерального законодателя. Так, уже отмеченное усложнение объективно существующей структуры общественных коммуникаций посредством медиапространства, социальных сетей, блогосферы и т.д. актуализирует научную дискуссию о достаточности закрытого перечня способов пособничества как формы соучастия.

Как известно, часть 5 статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации содержит закрытый перечень таких способов, устанавливая, что пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения

преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

К.В. Ображиев отмечает, что «целесообразность подобного законодательного решения является предметом давней дискуссии. Многие специалисты считают это решение неудачным, полагая, что в законодательном определении пособничества нельзя исчерпывающим образом отражать все опасные формы содействия совершению преступления» и резюмирует: «мнение о предпочтительности открытого перечня проявлений пособничества выглядит более убедительным, так как даже при самом высоком уровне законодательной техники (не говоря уже о нынешнем, далеком от идеала) охватить все возможные формы содействия совершению преступления вряд ли возможно» [там же, 59].

Названному автору вторит судья Калининградского областного суда Т.Н. Долгих, которая со ссылкой на процитированную нами его работу также пишет, что «в условиях стремительного развития технологий и усложнения общественных процессов (в том числе и криминальных) неизбежно будут появляться новые и трансформироваться существующие способы содействия преступной деятельности, а потому более перспективным было бы конструирование «открытого» определения пособника как лица, содействовавшего совершению преступления, с указанием примерного перечня форм такого содействия» [Долгих, 2022].

Применяя метод моделирования, приведем пример. В части 5 статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации прямо указано предоставление информации. Но как квалифицировать, например, предоставление третьим лицом исполнителю преступления доступа к средству распространения информации, находящегося в его владении, пользовании (к своим страницам, каналам на тех или иных платформах, хостингах и сервисах в Интернете и т.д.)? Всегда ли все варианты такого предоставления можно квалифицировать как предоставление информации (что сомнительно, поскольку дается доступ к «площадке», а не какие-либо сведения и данные) или как предоставление средств или орудий совершения преступления (что может потребовать однозначного установления факта того, что доступ предоставлен именно для этого, третье лицо имело умысел именно на это и т.д.)?

Еще пример. В вышеуказанной норме закреплена формулировка «заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления». В полной ли мере это применимо ко всем ситуациям, когда по умолчанию третьими лицами предоставляются вышеуказанные «площадки» с использованием средств анонимизации в интернет-среде (позволяющих скрыть распространителя информации программ и сервисов – анонимайзеров, анонимных браузеров, возможностей Даркнета и т.д.)? Всегда ли можно однозначно квалифицировать предоставление таких средств третьим лицом, которое по умолчанию всегда работало в сети с использованием таких средств и предоставило свою «площадку» исполнителю, именно как действия «заранее обещанные» [Голубов, 2019, 47-50] (ведь без признака заранее данного обещания вопрос переводится в правовую плоскость прикосновенности к преступлению, а не соучастия)?

В этом контексте отметим, что одной из проблем по-прежнему остается правильность разграничения при квалификации соучастия в преступлении в предусмотренных уголовным законом формах и прикосновенности к преступлению. Так, на примере преступлений, связанных с участием в незаконном вооруженном формировании, М.Ю. Юсупов показывает, что «органы расследования и суды нередко деяния, которые являются прикосновенностью к преступлению, квалифицируют как соучастие в преступлении в форме пособничества» [Юсупов, 2020, 27].

С учетом изложенного констатируем, что, вполне возможно, назрела потребность в корректировке вышеуказанного закрытого перечня путем его дополнения более широкими и гибкими формулировками, в большей степени учитывающими информационно-телекоммуникационные реалии настоящего времени и процессы активного развития современных средств производства и распространения информации.

Ведь, как справедливо отмечает С.В. Иванцов, «законодательная база в части регламентации противодействия преступности должна соответствовать запросам времени, т.е. быть системной. В противном случае это приводит к рассогласованности между правовой теорией и реализацией уголовной ответственности» [Иванцов, 2017, 51].

Тем более что в рассматриваемом случае далеко за примером ходить не надо – открытый перечень дает часть 4 той же статьи 33 в отношении подстрекательства, устанавливая, что подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы *или другим способом (курсив наш – автор)*.

Формулирование открытого перечня способов пособничества позволило бы в перспективе на практике учитывать появление новых технологий, делающих возможным пособничество, и устранило бы необходимость в некоторых случаях формулировать в Особенной части Уголовного кодекса в качестве самостоятельных составов преступлений тех или иных деяний, которые, по сути, представляют собой пособничество в совершении уже предусмотренных преступлений.

Заметим также, что исследователи зарубежного уголовно-правового опыта приводят показательные примеры открытого подхода к юридическому описанию пособничества в законодательстве некоторых стран. Так, отмечается, что «например, УК Японии использует лаконичную формулировку, определяя пособничество как оказание помощи исполнителю (ст. 62)», а «ст. 31 УК Израиля пособником признает лицо, которое перед совершением преступления либо во время его совершения предприняло меры для того, чтобы сделать возможным совершение преступления, а равно облегчить его совершение или обеспечить сокрытие преступления, либо предотвратить задержание исполнителя, раскрытие преступления или обнаружение предметов, добытых преступным путем, либо чтобы внести вклад другим способом в создание условий для совершения преступления» [Шубина, 2010, 151]. Как видим, такие формулировки дают достаточное усмотрение правоприменителю для квалификации деяний в конкретных случаях.

Изложенные рассуждения касаются Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, однако они непосредственно имеют отношение к квалификации соучастия по нормам Особенной части ввиду системно-структурной взаимосвязи общих норм о соучастии и конкретных составов преступлений, закрепленных в Особенной части.

Отметим попутно, что закрытый характер перечня способов пособничества подвергается обоснованной, на наш взгляд, критике применительно к конкретным и весьма показательным примерам по нормам Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, О.Н. Пикуров, отмечая, что закрытый перечень способов пособничества затрудняет квалификацию общественно опасных деяний, связанных с содействием в сбыте наркотических средств, приводит следующий пример судебного решения: «в феврале 2016 г. приговором Железнодорожного районного суда г. Пензы осужден Легаев за то, что, получая в сети Интернет от неустановленного лица информацию о местонахождении оптовых «закладок» с наркотическими средствами, на их основе за денежное вознаграждение делал розничные «закладки». К указанной деятельности Легаев привлек своего знакомого Логунова, который не

входил в состав группы лиц по предварительному сговору, но оказывал Легаеву помощь в незаконных сбытах наркотических средств, а именно *осуществлял переписку в интернет-приложении с неустановленным следствием лицом от имени Легаева о незаконном сбыте наркотических средств, периодически вместе с Легаевым забирал мелкооптовые партии «закладок» с наркотическими средствами, осуществлял из их количества совместно с Легаевым розничные «закладки» наркотических средств»* [Пикуров, 2018, 50]. Названный автор подчеркивает, что «при сравнении объективной стороны действий Логунова с содержанием п. 5 ст. 33 УК РФ можно увидеть следующее несоответствие: если переписку в интернет-приложении от имени другого лица можно, хотя бы и с натяжкой, отнести к содействию в виде предоставления информации, то получение мелкооптовых партий наркотических средств и изготовление из них розничных «закладок» не подпадает ни под один из вышеперечисленных видов содействия (с учетом того, что наркотики в данном случае являлись не средствами или орудиями, а предметом преступления). Действия Легаева и Логунова в большей степени похожи на соисполнительство. Пособничеством, в зависимости от конкретного характера помощи, это может быть названо лишь при определении его содержания по формулировке с открытым перечнем (аналогично Основным началам по уголовному праву РСФСР 1919 г.)» [там же, 50]. Как видим, помимо прочего, здесь снова возникают вопросы к достаточности формулировки «предоставление информации».

Науке уголовного права также известна дискуссия о том, следует ли в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации излагать подробные положения о соучастии или же следует дать возможность правоприменителю в большей степени руководствоваться при квалификации соответствующими нормами Общей части.

К примеру, О.Н. Пикуров пишет: «использование в статьях Особенной части терминов, характеризующих конкретные способы соучастия, вызывает и серьезную критику. В частности, Д.А. Безбородов выразил следующую позицию по поводу тенденций российского уголовного законодательства к излишней казуистичности: «К сожалению, иногда создается впечатление, что законодатель либо не подозревает о существовании в Общей части Уголовного кодекса института соучастия в преступлении, либо руководствуется какими-то иными мотивами, как представляется, чаще всего политического характера» [Безбородов, 2017, 4]. А.И. Рарог, выделяя ст. 205¹ УК РФ как «наименее удачную и наиболее многострадальную норму среди уголовно-правовых средств противодействия терроризму», в своих работах приводит ряд весомых аргументов о ее социальной и юридической необоснованности, содержательных и технико-юридических недостатках» [Рарог, 2017, 155-178].

В литературе высказывается довольно критичное мнение, что «закрепление либо дублирование в Особенной части норм, которые фактически должны быть регламентированы в общих положениях, приводит к деструктуризации уголовного закона и затрудняет его понимание, а также применение» [Ершов, 2012, 52].

Представляется важным в перспективе – в рамках системной работы по развитию уголовного законодательства – комплексно проанализировать нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, криминализировавшие как самостоятельные составы преступлений те деяния, которые, по сути, носят характер той или иной формы соучастия в других преступлениях (как, например, статья 205¹ «Содействие террористической деятельности», статья 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» и др.), с целью определения обоснованности и достаточности такого подхода к регулированию и выработки возможных предложений по совершенствованию как

норм Общей части о соучастии, так и соответствующих положений Особенной части.

Рассмотрим с позиций науки уголовного права один из самых последних и актуальных примеров криминализации деяний, имеющих в настоящее время широкий общественный резонанс, с точки зрения регламентации соучастия в них.

Федеральным законом от 4 марта 2022 года № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации дополнена статьями 207³ «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации» и 280³ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности».

В качестве квалифицирующих признаков в части 2 статьи 207³ предусмотрены формы соучастия. Согласно пункту «б» указанной части публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, совершенное *группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой*, наказывается штрафом в размере от трех миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

С учетом специфики объективной стороны данного преступления, которое может совершаться с использованием средств массовой информации, в том числе сетевых изданий, распространяемых в сети Интернет, необходим правовой анализ соотношения указанных форм соучастия с пониманием специальных коллективных субъектов, выпускающих средства массовой информации, закрепленным в соответствующем специальном законодательстве.

Важно учитывать, что согласно статье 2 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-I «О средствах массовой информации»:

- под редакцией средства массовой информации (далее также – СМИ) понимается организация, учреждение, предприятие либо гражданин, *объединение граждан*, осуществляющие производство и выпуск средства массовой информации;
- под главным редактором понимается лицо, возглавляющее редакцию (независимо от наименования должности) и принимающее окончательные решения в отношении производства и выпуска средства массовой информации;
- под журналистом понимается лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию;
- под издателем понимается издательство, иное учреждение, предприятие (предприниматель), осуществляющее материально-техническое обеспечение производства продукции средства массовой информации, а также приравненное к издателю юридическое лицо или *гражданин*, для которого эта деятельность не является

- основной либо не служит главным источником дохода;
- под распространителем понимается *лицо*, осуществляющее распространение продукции средства массовой информации по договору с редакцией, издателем или на иных законных основаниях (*курсив наш – автор*).

Анализ приведенных определений показывает, что на практике законодательство о СМИ допускает широкий спектр фактического сотрудничества физических лиц в «цепочке» действий по созданию, сбору, редактированию, изданию, распространению сообщений и материалов в рамках СМИ, в том числе сетевого издания, под которым та же статья понимает сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с названным Законом.

Столь же сложны варианты и формы фактической коллаборации физических лиц при производстве и распространении контента на площадках и ресурсах в сетевом пространстве, не являющихся зарегистрированными СМИ, в том числе в блогосфере, социальных сетях, мессенджерах. Ниже мы приводим конкретные рекомендации относительно квалификации соучастия по рассматриваемой статье УК РФ.

В свою очередь, новой статьей 280³ Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей уголовную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях, совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, а также за указанные действия, повлекшие смерть по неосторожности и (или) причинение вреда здоровью граждан, имуществу, массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо создавшие помехи функционированию или прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, не установлено соучастие в качестве квалифицирующего признака.

Подобный подход законодателя требует научного анализа с точки зрения последовательности введенного регулирования.

С одной стороны, такой подход оправдан, поскольку уголовная ответственность устанавливается для конкретного физического лица, ранее привлеченного к административной ответственности за аналогичное деяние (новая статья 20.3.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) в течение одного года.

С другой стороны, указанные деяния вполне могут совершаться в тех же формах соучастия, что и предусмотренные названной выше статьей 207³, введенной тем же законом.

Вполне возможно, следует в дальнейшем, с учетом правоприменительной практики, которая будет складываться, поставить вопрос о том, чтобы предусмотреть аналогичные формы соучастия в качестве квалифицирующего признака в статье 280³ Уголовного кодекса Российской Федерации. Отметим здесь, что правоприменительная практика по привлечению к административной ответственности за соответствующее административное правонарушение уже начала складываться. Например, согласно материалам средств массовой информации,

впервые в России на основании составленного протокола по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ суд в Костроме 5 марта текущего года оштрафовал гражданку на 30 тыс. руб. [В России впервые оштрафовали..., [www](#)]. Также, к примеру, суд в Томске признал 13 местных жителей виновными в дискредитации Вооруженных сил Российской Федерации – по вышеуказанной норме КоАП РФ, каждому из них назначено наказание в виде штрафов в размере от 30 до 45 тыс. рублей [Еще 13 жителей Томска..., [www](#)].

То же справедливо в отношении введенной тем же законом новой статьи 284² «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц» УК РФ, установившей наказание за призывы к осуществлению иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза мер ограничительного характера, выражающихся во введении или в продлении политических или экономических санкций в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации либо российских юридических лиц, совершенные гражданином Российской Федерации после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

Еще раз подчеркнем, что велика вероятность совершения всех вышеперечисленных деяний с использованием средств массовой информации или иным образом в медиапространстве, блогосфере и т.д., где контент производится совместными усилиями нескольких лиц, что, по сути, означает соучастие.

Результаты

1. Проведенное исследование показало, что важный признак совместности, в обязательном порядке присущий соучастию, при квалификации соучастия в преступлении согласно тем или иным конкретным нормам Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации должен устанавливаться с учетом специфики среды (в том числе Интернет-среды, сетевого пространства), в которой формируются и развиваются конкретные намерения, умыслы и цели, совершаются конкретные действия (бездействие).

2. Анализ проблематики закрепленного в УК РФ закрытого перечня способов пособничества как формы соучастия показал целесообразность практического рассмотрения вопроса о законодательной корректировке этого перечня путем его дополнения более широкими и гибкими формулировками, в большей степени учитывающими современные информационно-телекоммуникационные реалии и процессы активного развития средств производства, редактирования и распространения информации.

Формулирование открытого перечня способов пособничества позволило бы в перспективе на практике учитывать появление новых технологий, делающих возможным пособничество, и устранило бы необходимость в некоторых случаях формулировать в Особенной части Уголовного кодекса в качестве самостоятельных составов преступлений тех или иных деяний, которые, по сути, представляют собой пособничество в совершении уже предусмотренных преступлений.

3. В качестве возможного направления дальнейшей работы по системному развитию уголовного закона следует отметить комплексный анализ норм Особенной части УК РФ, которыми криминализированы как самостоятельные составы преступлений те деяния, которые имеют характер той или иной формы соучастия в других преступлениях, на предмет

определения обоснованности и достаточности такого подхода к регулированию и выработки предложений по взаимообусловленному совершенствованию как норм Общей части о соучастии, так и соответствующих положений Особенной части.

4. Относительно квалификации соучастия в преступлении, предусмотренном статьей 207³ «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации», возможно предложить следующие рекомендации:

- во-первых, в каждом конкретном случае при квалификации соучастия в публичном распространении под видом достоверных сообщений вышеназванной заведомо ложной информации необходимо с учетом специального регулирования законодательства об информации, средствах массовой информации устанавливать конкретный вклад, роль и участие (в том числе дистанционное, сетевое) каждого из причастных к распространению информации в соотношении с уголовно-правовым пониманием группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы (статья 35 Уголовного кодекса Российской Федерации);
- во-вторых, экстраполировать законодательные модели, существующие применительно к созданию и распространению СМИ, в части фактического сотрудничества физических лиц, на создание и публичное распространение заведомо ложной информации вне рамок официально зарегистрированных СМИ, но на площадках с неограниченным (или весьма широким) доступом к размещаемой информации (сайтах, не являющихся сетевыми изданиями, социальных сетях, видеохостингах и т.д.).

В указанном контексте особенно важно правильно устанавливать и квалифицировать такой существенный признак соучастия как совместность, который означает согласованность действий (бездействия) и, в частности, предполагает «объединение усилий, при котором лица, участвующие в посягательстве, облегчают возможность совершения действий другими лицами. Согласованность действий соучастников достигается, как правило, путем устного сговора (соглашения), хотя не исключаются и другие варианты согласования действий (письменно, путем конклюдентных действий – знаков и т.п.)» [Плотников, 2016, 155]. В данном случае правовое значение будут иметь сетевая переписка, переписка в мессенджерах, обмен голосовыми сообщениями и т.д.

В публикациях отмечается, что «в уголовно-правовой теории о соучастии в преступлении прочно укоренилось мнение о том, что с целью признания совместных действий нескольких лиц соучастием в совершении единого преступления необходимо наличие причинной связи между действиями соучастников и совершенным исполнителем преступлением» [Юсупов, 2020, 29]. В рассматриваемом случае важно установить причинную связь между действиями всех причастных к созданию, сбору, редактированию, распространению информации и фактом совершения распространения под видом достоверных сообщений вышеназванной заведомо ложной информации.

5. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о том, чтобы закрепить в статье 280³ Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве квалифицирующего признака формы соучастия, аналогичные предусмотренным в вышеназванной статье 207³.

С правовой точки зрения, – учитывая взаимосвязь уголовного закона и законодательства об административных правонарушениях, – возможны возражения относительно затруднительности формулирования в данном случае положений о соучастии, поскольку, как уже отмечалось выше, диспозиция предусматривает факт предварительного привлечения соответствующего конкретного гражданина к административной ответственности за

аналогичное деяние. Однако, полагаем, что это вопрос грамотной юридической техники, а также соответствующего подхода к пониманию в данном случае соучастия как квалифицирующего признака. Представляется целесообразным предусмотреть соучастие как с другим лицом, ранее также привлеченным к вышеуказанной административной ответственности, так и с лицом, еще к таковой не привлекавшимся. Второй случай возможен, например, если гражданин, ранее привлеченный по указанной статье КоАП РФ, вступил в сговор с ранее не привлекавшимися гражданами, осуществляющими подготовку, редактирование и выпуск какого-либо СМИ, включая сетевое издание, Ютуб-канала и т.п. В таком случае конкретно для него это будет квалифицироваться как совершение деяния, предусмотренного вышеназванной новой статьей УК РФ, уже в соучастии.

Заключение

Проведенное исследование показало, что несмотря на широкую научную разработанность проблематики соучастия, сохраняется ряд проблем теоретического и практического характера в этой сфере в отношении ряда норм Особенной части, равно как и Общей части УК РФ, заслуживающих внимания ученых, федерального законодателя и правоприменительных органов.

В настоящем исследовании предложены пути разрешения некоторых проблем соучастия, включая пособничество, а также возможные точечные, но актуальные направления корректировки положений УК РФ.

Реализация предлагаемых шагов по дальнейшему совершенствованию норм уголовного законодательства позволит учесть существующие и усложняющиеся формы и схемы фактического соучастия в совершении преступлений с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий и возможностей сетевого пространства.

Библиография

1. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. 408 с.
2. Безбородов Д.А. Тенденции уголовного законодательства при конструировании норм о необходимом соучастии // Криминалист. 2017. № 1. С. 4.
3. В России впервые оштрафовали за дискредитацию военных. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5249502>
4. Голубов И.И. Судебная практика ограничения заранее не обещанного укрывательства преступлений от пособничества в их совершении // Российский следователь. 2019. № 1. С. 47-50.
5. Долгих Т.Н. Понятие и особенности квалификации действий соучастника преступления в форме пособничества. 2022. URL: https://vk.com/@voen_yur_spb-statya-ponyatie-i-osobennosti-kvalifikacii-deistvii-souchast
6. Ершов С.А. Пособничество – в Особенной части УК // Законность. 2012. № 11. С. 52-55.
7. Еще 13 жителей Томска оштрафованы за дискредитацию российской армии. URL: <https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/eshche-13-zhiteley-tomska-oshtrafovery-za-diskreditaciyu-rossiyskoy-armii>
8. Иванцов С.В. Пособничество в террористическом акте как форма содействия террористической деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 2. С. 51-55.
9. Клименко Ю.А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 112-121.
10. Мелешко Д.А. Квалификация соучастия в преступлении // Уголовное право. 2017. № 2. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=107310>
11. Ображиев К.В. Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2019. № 3. С. 59-70.
12. Пикуров О.Н. Трансформация института пособничества в советском и российском уголовном праве // Lex russica. 2018. № 7. С. 39-53.
13. Плотников А.И. (ред.) Уголовное право России. Общая часть. Оренбург, 2016. 442 с.
14. Пудовочкин Ю.Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления //

- Журнал российского права. 2018. № 8. С. 102-112.
15. Рарог А.И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1. С. 30.
16. Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica. 2017. № 4. С. 155-178.
17. Шубина В.Ю. Регламентация пособничества в совершении преступления в уголовном законодательстве отдельных зарубежных государств // Общество и право. 2010. № 3. С. 151-155.
18. Юсупов М.Ю. Пособничество участию в незаконном вооруженном формировании: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 27-29.

Some problems of Complicity in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and ways to solve them

Mikhail M. Borisevich

PhD in Law, Professor,
Moscow International University,
125040, 17, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rat4810@mail.ru

Ivan N. Pyatkevich

PhD in Law, Associate Professor,
Moscow International University,
125040, 17, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rat4810@mail.ru

Abstract

The complex issue of complicity is deservedly in the focus of attention of many authors, constituting an important element of criminal law scientific research. The article deals with some topical problematic issues of complicity in a crime, including the example of the wording of a number of articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. A feature of the authors' methodological approach is the study of the topic through the prognostic method and using, to a certain extent, the modeling method, which is expressed in the consideration of options and methods of complicity in currently relevant crimes using modern information and telecommunication technologies, taking into account the prospects for their further development. The authors of the research present a number of proposals aimed at solving problematic issues, including in terms of formulating a list of ways of complicity, as well as improving some of the new norms of the Criminal Code, which are currently of particular relevance. The implementation of the steps proposed in the article to improve the norms of criminal law will allow considering the existing and increasingly complex forms and schemes of actual complicity in the commission of crimes using modern information and telecommunication technologies and the possibilities of the network space.

For citation

Borisevich M.M., Pyatkevich I.N. (2023) Nekotorye problemy souchastiya v Osobennoi chasti Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i puti ikh resheniya [Some problems of Complicity in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and ways to solve them]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 13 (1A), pp. 105-118. DOI: 10.34670/AR.2023.25.58.011

Keywords

Complicity, accomplice, complicity, qualification of complicity, implication of a crime, problems of complicity, norms of the Special Part, qualifying signs, innovations of the Criminal Code, crimes in the media space.

References

1. Arutyunov A.A. (2013) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in crime]. Moscow: Statut Publ.
2. Bezborodov D.A. (2017) Tendentsii ugovnogo zakonodatel'stva pri konstruirovani norm o neobkhodimom souchastii [Trends in criminal law in the construction of norms on the necessary complicity]. *Kriminalist* [Criminologist], 1, p. 4.
3. Dolgikh T.N. (2022) *Ponyatie i osobennosti kvalifikatsii deistvii souchastnika prestupleniya v forme posobnichestva* [The concept and features of the qualification of the actions of an accomplice in the form of complicity]. Available at: https://vk.com/@voen_yur_spb-statya-ponyatie-i-osobennosti-kvalifikatsii-deistvii-souchast [Accessed 12/12/2022]
4. Ershov S.A. (2012) Posobnichestvo – v Osobennoi chasti UK [Aiding in the Special Part of the Criminal Code]. *Zakonost'* [Legality], 11, pp. 52-55.
5. *Eshche 13 zhtelei Tomska oshtrafovany za diskreditatsiyu rossiiskoi armii* [Another 13 residents of Tomsk fined for discrediting the Russian army]. Available at: <https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/eshche-13-zhiteley-tomska-oshtrafovany-za-diskreditatsiyu-rossiyskoy-armii> [Accessed 12/12/2022]
6. Golubov I.I. (2019) Sudebnaya praktika otgranicheniya zaranee ne obeshchannogo ukryvatel'stva prestuplenii ot posobnichestva v ikh sovershenii [Judicial practice of delimiting the concealment of crimes that was not promised in advance from complicity in their commission]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 1, pp. 47-50.
7. Ivantsov S.V. (2017) Posobnichestvo v terroristicheskom akte kak forma sodeistviya terroristicheskoi deyatel'nosti [Aiding in a terrorist act as a form of assistance to terrorist activities]. *Bezopasnost' biznesa* [Business Security], 2, pp. 51-55.
8. Klimenko Yu.A. (2017) Pravila kvalifikatsii prestuplenii, sovershennykh v souchastii [Rules for qualifying crimes committed in complicity]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 4, pp. 112-121.
9. Meleshko D.A. (2017) Kvalifikatsiya souchastiya v prestuplenii [Qualification of complicity in a crime]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=107310> [Accessed 12/12/2022]
10. Obrazhiev K.V. (2019) Posobnichestvo prestupleniyu: problemy ugovno-pravovoi otsenki [Aiding crime: problems of criminal law assessment]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 3, pp. 59-70.
11. Pikurov O.N. (2018) Transformatsiya instituta posobnichestva v sovetskom i rossiiskom ugovnom prave [Transformation of the institution of complicity in Soviet and Russian criminal law]. *Lex russica*, 7, pp. 39-53.
12. Plotnikov A.I. (ed.) (2016) *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Russia. A common part]. Orenburg.
13. Pudovochkin Yu.E. (2018) Kontseptsiya souchastiya: opyt teoreticheskoi razrabotki i normativnogo zakrepleniya [The concept of complicity: the experience of theoretical development and normative consolidation]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 8, pp. 102-112.
14. Rarog A.I. (2017) Ugolovnyi kodeks Rossii protiv terrorizma [Russian Criminal Code Against Terrorism]. *Lex Russica*, 4, pp. 155-178.
15. Rarog A.I. (2013) Zakonodatel'nye ataki na ustoi ugovnogo prava [Legislative attacks on the foundations of criminal law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1, p. 30.
16. Shubina V.Yu. (2010) Reglamentatsiya posobnichestva v sovershenii prestupleniya v ugovnom zakonodatel'stve ot del'nykh zarubezhnykh gosudarstv [Regulation of aiding in the commission of a crime in the criminal legislation of individual foreign states]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 3, pp. 151-155.
17. *V Rossii v pervye oshtrafovali za diskreditatsiyu voennykh* [In Russia, for the first time someone was fined for discrediting the military]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5249502> [Accessed 12/12/2022]
18. Yusupov M.Yu. (2020) Posobnichestvo uchastiyu v nezakonnom vooruzhenom formirovanii: ugovno-pravovoi analiz i voprosy kvalifikatsii [Aiding Participation in an Illegal Armed Formation: Criminal Law Analysis and Qualification Issues]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 6, pp. 27-29.